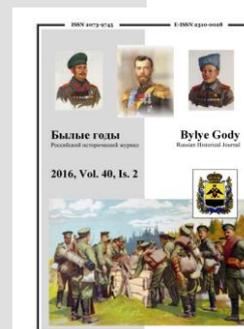

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 40, Is. 2, pp. 457-468, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 001.76: «18/19» (574)

About Introduction of New Methods of Managing in the Economy of the Traditional Kazakh Society of the Central Part of Kazakhstan in the Second Half of XIX – Early XX Centuries

Bakhytgul T. Tuleuova^{a, *}, Lyzzat K. Shotbakova^a, Gylnara M. Smagulova^a,
Nazym A. Kassymzhanova^a

^a Karaganda State University named after E.A. Buketov, Kazakhstan

Abstract

On the basis of Russian and Kazakh archives materials discussed the process of implementation of new methods of management in the economy of the traditional Kazakh society during the second half of XIX – early XX centuries. under the influence of Russian administrative and land reforms, the penetration of market relations in the Kazakh steppe, the resettlement of peasants from the central provinces of Russia. The authors examine this process by the example of the central part of Kazakhstan, where the spread of settled agricultural culture went less intensively in contrast to other regions of Kazakhstan. The reason for this was the difficult climatic and soil conditions, a low percentage of the Russian population, prevailing economic tradition. Particular attention is paid to the issue of land use in the Kazakh steppe, which was directly linked to the policy of seizure of grazing land and the settling of the nomadic population, carried by Russian administration. As a result of land and resettlement policy of the Russian state in the Kazakh steppe, resulted in the seizure vast land spaces of pastoral economic circulation, distribution of settled agricultural culture, nomadic pastoralism was to adapt to the changed socio-economic circumstances. This was manifested in the change of the structure of the traditional herds, distributing intensive forms of farming and the development of new methods of development of cattle breeding.

The author concludes that, resettlement and land policy of the Russian colonial administration in Kazakhstan, based on the seizure of grazing and irrational use of soil resources, not only changed the course of development of nomadic livestock farming, but also adversely affected the development of traditional agriculture in the Kazakh steppe.

Keywords: Russian Empire, Kazakhstan, traditional society, Nomadic pastoralism, market conditions, innovation.

1. Введение

В советской исторической науке доминировало мнение о том, что во второй половине XIX – начале XX веков экономическая отсталость кочевой цивилизации казахов не могла воспринять инновационные на тот момент методы хозяйствования, непосредственно связанные с капиталистическим способом производства. В острой борьбе между капиталистической и социалистической системами коммунистическая идеология стремилась создать «альтернативу рынку и частной собственности... в виде концепции построения социализма, минуя рыночные отношения. Там же где, наличие рыночных отношений нельзя было отрицать, в ход пошла антирыночная историческая и политическая риторика, в которой основное место занимал тезис об отрицательных последствиях колониально-капиталистического рынка...» (Абжанов, 2004: 9). Однако возможности и перспективы традиционной экономики казахского общества в условиях рыночного капиталистического хозяйства оказались далеко не исчерпанными.

* Corresponding author

E-mail addresses: b_t_tuleuova@mail.ru (B.T. Tuleuova), shotbakovazz@mail.ru (L.K. Shotbakova), gylnara2005@mail.ru (G.M. Smagulova), nazie_one@mail.ru (N.A. Kassymzhanova)

В рассматриваемый период в казахском традиционном обществе под влиянием внешних факторов, а также на основе внутренних тенденций саморазвития и саморегуляции, способности к адаптации к новым условиям, стали развиваться внутренние предпосылки рыночных отношений, формироваться слой носителей нового типа хозяйства, новой культуры и новой ментальности.

Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью изучения опыта переходного периода от традиционного кочевого образа жизни к рыночным формам хозяйствования, что позволит современному Казахстану учитывать историческую практику процессов модернизации отечественной экономики.

2. Материалы и методы

Теоретической основой статьи является теория модернизации, которая рассматривает переход традиционного общества к современному, к более прогрессивному на основе внедрения новых методов ведения хозяйства, ориентации на инновации, распространения индивидуализма и мотивации успеха в традиционном социуме, развитие институтов демократии, повышение образовательного потенциала общества. Наибольший интерес в данном направлении представляют восточные общества, где данный процесс может сильно отличаться от западного канона. Здесь, для того чтобы общество смогло воспринять инновацию, стать его органической частью, важно наличие определенных традиций, которые могли стать основой для преобразований. Долгое время в современной науке господствовала точка зрения о том, что традиция - застывшая форма, неспособная к саморазвитию. Однако в конце XX века исследователи отмечали исключительную роль традиции в жизни и организации аграрных обществ. Традиция как явление развивающееся, способное приспосабливаться к новым условиям жизни, «может оказывать позитивное воздействие на процесс модернизации, а может – препятствовать ему, равно как и процесс модернизации может приводить к ослаблению влияния традиции, а может и способствовать ее усилению» (Лурье, 1999: 22).

С данным мнением соглашаются и казахстанские ученые, которые отмечают, что «традиция высказывает свое присутствие в любой социальности... Она выполняет функцию социальной памяти, выступает транслятором информационного и социального опыта, без нее невозможна коллективная адаптация к окружающей среде и культурной социализации (Абылхожин, 1991: 237).

Открытость, подвижность традиционных культур, их способность воспринимать нововведения также отмечается в работах российских историков. По мнению С. Лурье, «адаптивность для той или иной культуры тех или иных моделей поведения в значительной мере определяется согласованностью ее собственных «этнических констант»... Все новшества, которые этнос может почерпнуть в результате межкультурных контактов, проходят через сито «цензуры». Культурная традиция – вещь очень гибкая и подвижная. Она лишь вписывает новшества в свою структуру... Но порой вестернизированная элита Азии так адаптирует западные ценности, что родная Европа их не может узнать» (Лурье, 1999: 35). Таким образом, взгляды исследователей сходятся на том, что традиция еще раз подтверждает свою устойчивость и гибкость, проявляя способность видоизменяться, адаптироваться в процессе своего взаимодействия с новыми явлениями в социально-экономической жизни.

При написании статьи также были использованы идеи синергетического подхода (Пригожин, Стенгерс, 1986; Гомаюнов, 1994; Сапронов, 2002). В первую очередь, это идея самоорганизации, заключающаяся в том, что в любой системе происходит упорядочивание за счет действия ее составляющих, то есть неких внутренних законов, возможностей и сил. Самоорганизация не навязывается извне: внешнее воздействие только инициирует самоорганизацию. Другим понятием синергетического подхода является понятие открытости, которое означает постоянное взаимодействие системы с внешней средой, в ходе которого происходит адаптация, приспособление всех элементов системы к изменяющимся условиям существования. Данные методологические идеи способствовали пониманию того, что в кочевой цивилизации казахов существовала традиционная естественная саморегуляция, которая помогала ей выдерживать различные инновации.

Для решения заявленной исследовательской задачи по теме статьи был привлечен широкий круг источников. Это документы законодательного характера (нормативные акты государственной верховной и региональной власти), которые с достаточной степенью достоверности позволяют раскрыть закономерные черты российской правительственной политики и ее региональные особенности на протяжении XIX – начала XX веков.

Наиболее обширный и массовый вид использованных источников – это делопроизводственная документация: приказы и отчеты Степного генерал-губернатора, отчеты военных губернаторов степных областей, прошения представителей казахского общества. Данный вид источников позволяет проследить методы и механизмы реализации основных направлений колониальной политики в регионе, содержит личные наблюдения местных чиновников за процессами, происходящими в Степном крае, мнения официальных властей о целесообразности и необходимости проведенных преобразований в традиционном казахском обществе.

Важный материал по проблемам развития традиционного казахского общества в рыночных условиях содержится на страницах периодической печати конца XIX – начала XX веков. Здесь представлены интересные дискуссии о характере земельной политики официальной России, судьбе

казахского народа, о влиянии административной и экономической политики Российской империи на развитие традиционного хозяйства. На страницах периодической печати содержится информация о жизни казахского общества в новых экономических условиях, об изменениях в жизни и быте казахского народа.

3. Обсуждения

Вопросы хозяйственной истории традиционного казахского общества впервые были рассмотрены в работах русских исследователей конца XIX – начала XX веков Н.М. Ядринцева, Л. Чермака, П. Румянцева, Д. Клеменца, Я. Полферова (Ядринцев, 1892; Чермак, 1908; Чермак, 1912; Румянцев, 1910; Клеменц, 1908), которые отмечали процесс эволюции кочевой экономики в сторону более прогрессивной формы развития хозяйства – оседлости, характеризуя переход казахского скотоводческого хозяйства к интенсивной форме скотоводства, выделяли следующие его проявления: заготовка кормов на зиму, сенокосение, стойловое содержание скота.

В советский период исследователи аграрной истории, рассматривая хозяйственные и социальные изменения в казахском ауле в конце XIX – начале XX веков, связывали их с процессами первоначального накопления в Казахстане, проникновением товарно-денежных, капиталистических отношений в казахский аул. Однако, отмечая эти важные изменения, они делают вывод о том, что товарное производство в казахской степи в силу господства патриархально-феодалных отношений не переросло в капиталистическое.

В 1980–1990-е годы казахстанские историки Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин (Масанов, 1984; Масанов, 1995; Абылхожин, 1991) дали объективную оценку роли степного скотоводства в развитии казахского общества в условиях рынка, ставшего фундаментом адаптационных изменений, подвергли критике позицию историков предшествующего периода, скептически относившихся к перспективам скотоводческого хозяйства Казахстана. В своих работах Ж.Б. Абылхожин, исследуя кочевническую структуру хозяйствования в 1920–1930 годы и характеризуя ее как «собственную цивилизацию с эффективным социальным механизмом адаптации и развитыми культурными традициями» (Абылхожин, 1991: 200), отмечает проникновение новых методов ведения традиционного хозяйства.

Из работ зарубежных авторов можно выделить работу М.Б. Олкотт «Казахи», в которой она отмечает адаптивную способность казахского народа в условиях рыночной экономики: «Казахи продемонстрировали свою национальную способность быстро восстанавливать физические и душевные силы путем трансформации экономики и развития культуры. Их традиционное кочевое общество подверглось воздействию более сложной цивилизации, но не было полностью поглощено ею» (Олкотт, 1997: 312).

В статье английского исследователя А. Моррисона «Peasant Settlers and the 'Civilising Mission' in Russian Turkestan, 1865–1917» анализируется колониальный характер административных реформ второй половины XIX в., обостривших земельный вопрос в казахской степи, а также последствия переселенческой миграции для развития традиционного казахского общества (Моррисон, 2015).

4. Результаты

Важной характеристикой хозяйственного развития казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков стал внедрение новых методов хозяйствования в рыночных условиях, обусловленных включением Казахстана в систему Российской империи.

В 1860–1890-х годах завершилась колониально-континентальная интеграция Казахстана в состав Российской империи. Данный процесс повлек за собой серьезные изменения в политическом, экономическом и социальном развитии региона. В административном отношении были унифицированы ранее созданные органы управления краем и выработана единая система государственно-административного управления на всей территории Степного края, введена налоговая система, земля была изъята из пользования казахского общества и объявлена государственной собственностью. Данные обстоятельства вынудили казахское общество изыскивать иные пути для поддержания своего благосостояния, заставляя их адаптироваться к новым законам и внешним административно-правовым факторам. Более того, землеустройство казахов постепенно способствовало укреплению у них понятия о собственности на землю как важном источнике их материального благосостояния: «в традиционных представлениях номадов о земле была пробита брешь: формируется прагматический взгляд на землю как на вещь, появляется понятие об индивидуальной собственности на землю» (Малтусынов, 2006: 93).

В целом имперская административно-земельная политика положила конец традиционному развитию казахского кочевого общества. «Заселение степи русскими переселенцами и вовлечение ее в мирную торговлю, которая начала в усиленном темпе развиваться с проведением железнодорожных машин не могли не произвести переворота в хозяйственной жизни киргиз. Натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз стало превращаться в товарно-денежное, а возникшие капиталистические отношения раскололи киргизский народ на новые экономические классы, не имеющие ничего общего со старыми родовыми группами» (Тресвятский, 1917: 71). Поэтому если ранее казахскому народу, как и всем кочевым народам, было присуще понимание полной свободы по отношению к земле, то в рассматриваемый период на смену старым родовым началам в казахском

хозяйстве приходят новые экономические явления, свидетельствующие об эволюции родового строя в Степном крае.

Анализируя изменения в казахском обществе в начале XX веков, В.А. Тресвятский замечает, что «процесс развития киргизского хозяйства выразался в устройстве постоянных зимних жилищ, затем развитии сенокосения и земледелия. В связи с этим наблюдалось сокращение перекочевков во времени и пространстве, удлинении срока пользования призимовочными пастбищами и более интенсивное зимнее содержание скота. Теперь немало киргизских общин, сохранивших только видимые формы кочевого быта; круглый год они возвращаются около своих зимовок, откочевывают на лето не более 5–6 верст, зиму держат на подножном корму только гулевыми лошадьми, овец же, рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, причем все почти занимаются земледелием» (Тресвятский, 1917: 66).

С мнением русского исследователя, соглашаются казахстанские историки, которые отмечали, что «внутри себя казахское кочевое скотоводческое общество не имело потенциальных возможностей интенсивного развития разделения труда. Только по мере оседания номадов, перехода их к земледелию и другим видам хозяйственной деятельности, втягивания в рыночные, товарно-денежные капиталистические отношения в их социально-экономической структуре наступают принципиальные изменения» (Абдрахманова, 1998: 135). Поэтому, «именно разрушительные последствия российского экономического и политического влияния, несмотря на всю катастрофическую болезненность их для казахского общества... в XIX веке, имели позитивное значение для его дальнейшего развития».

Вместе с тем некоторые историки полагают, что экономика казахского общества, основанная на кочевом скотоводстве, во второй половине XIX – начале XX веков не претерпела серьезных качественных изменений. Причину этого видят в искусственном характере насаждения новых отношений в традиционном обществе в противовес целесообразности кочевого способа производства, порожденного объективным процессом взаимодействия естественно-природных и социально-экономических факторов (Масанов, 1995: 237).

Однако анализ архивных материалов показывает, что в результате адаптации казахского общества к новым условиям отдельные элементы трудового процесса кочевников (выпас животных, процесс кочевания, состав скота, выбор и распределение пастбищных угодий), образ жизни трансформировались в новые, более приспособленные элементы.

Рассматривая причины данного явления, надо отметить, что хозяйственно-экономическая деятельность казахского социума во второй половине XIX века определялась, как и в прежние времена, в первую очередь, природно-климатическими особенностями. Ее формы обуславливались особенностями адаптации человека к среде обитания. На протяжении многих столетий кочевники казахской Степи совершенно свободно и неограниченно передвигались по необъятным степным просторам, что сформировало у них особое отношение к окружающей среде.

«Процесс освоения новых территорий, – отмечает С. Лурье, – тесно связан с адаптацией человека к природной и социокультурной среде обитания, в том числе с адаптацией психологической. В ходе нее формируются определенные модели человеческой деятельности, задача которых – психологически снизить степень дисгармонии между человеком и миром. В той или иной степени иррациональные, эти модели имеют свою внутреннюю логику, которой и следуют люди. Каждая культура формирует свой особый «адаптированный» образ реальности, опыт человека как бы укладывает его в определенные парадигмальные формы» (Лурье, 1999: 34).

Такой хозяйственной формой в Степном крае исторически стал, как известно, кочевой быт. По мнению А.А. Кауфмана, кочевой быт, явился ярким примером адаптации человека и его хозяйства к природе, всецело господствующей над ним и которой кочевник всецело подчинялся. Это определило в конечном итоге, основные черты типичного чистого кочевого быта: скотоводство как единственный источник существования, использование естественных пастбищ, правильные перемещения людей и стад в зависимости от времени года, переносные жилища, совершенное отсутствие постоянных или хозяйственных помещений (Кауфман, 1908: 6).

Однако во второй половине XIX – начале XX веков характерным явлением в скотоводческих хозяйствах казахов Центрального Казахстана стал переход к интенсивным формам хозяйства, к использованию более рациональных методов разведения скота. Основным фактором, определившим эволюцию кочевого хозяйства казахов, стало изъятие из пользования казахов пастбищных угодий, что не позволило далее развивать традиционное кочевое скотоводство, основываясь только лишь на возможностях больших степных просторов. Так А. Букейханов отмечает, «казах, несмотря на то, что живет на такой земле, не может нормально вести хозяйство с использованием скота. И это справедливо» (Бокейхан, 2003: 69). В условиях сокращения своих земель казахи вынуждены были применять новые формы ведения скотоводческого хозяйства, в том числе методы улучшения породы как традиционных спутников кочевого быта, так и крупного рогатого скота, численность которого в конце XIX – начале XX веков значительно возросла.

Для улучшения и усовершенствования казахской лошади богатые скотопромышленники в конце XIX века начали употреблять туркменскую, хивинскую и русскую заводскую породы лошадей. Например, в табунах известного скотопромышленника Терсаканской волости Атбасарского уезда Мейрама Джанайдарова имелись полукровные туркменские и хивинские жеребцы, в табунах казаха

Сары-Суйской волости этого же уезда Джандавлета Кулубекова проводили смычку степных лошадей с хивинской породой (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335. Л. 30). Данные мероприятия поддерживались специалистами ветеринарной службы Акмолинской области, которые рекомендовали скотоводам региона остановить свой выбор на так называемой текинской породе лошадей, которые крупнее средней казахской лошади, благороднее, имеют больше огня в темпераменте (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335. Л. 38).

При этом ряд специалистов предупреждают о необходимости более тщательного отбора производителей, «в противном случае будет масса жертв разницы жизненных условий, пока будет достигнута полная акклиматизация» (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10335. Л. 37об.).

В планах официальных кругов Российского государства вопрос изучения причин вырождения казахской лошади и мерах поддержания этой породы занимал важное место. В 1890 году граф Воронцов-Дашков предпринял путешествие в Казахскую степь, с тем, чтобы лично убедиться в пользе казахского коневодства. В тургайских конюшнях ему были представлены до 4 тыс. голов лошадей, в Кустанае – до 7 тыс. голов, а в летних кочевьях братьев Яраспаловых до 11 тыс. голов, из которых 4 тыс. принадлежали самим хозяевам. После осмотра граф сделал вывод о том, что если улучшить местную породу более рослыми производителями, то степное коневодство может дать России неисчерпаемые богатства для артиллерии, кавалерии и обозов армии (Дала уалаятының газеті, 1994: 144-145). Выводы графа Воронцова-Дашкова позднее подтвердили ветеринары в своих донесениях.

Более того, в начале XX века официальными властями стали проводиться различные мероприятия, способствующие более интенсивному развитию скотоводства в казахском хозяйстве: распространение сенокосилок, создание общественных запасов сена, создание продовольственного капитала казахских обществ. Большую работу, по мнению областных ветеринарных инспекторов, необходимо провести среди самих казахов: «для улучшения скотоводства и коневодства нужна популяризация в населении знаний о приемах рационального разведения и содержания животных, которые можно осуществить путем народных чтений, издания брошюр на русском и киргизском языках, при помощи скотоводческих выставок» (ЦГА, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 12).

Важную роль в усовершенствовании характеристик и показателей местных пород скота сыграли природные климатические условия. Поэтому ветеринарный врач г. Петропавловска в своем письме заведующему ветеринарной частью по Акмолинской области в 1894 году рекомендовал первые опыты по скрещиванию казахских и текинских лошадей производить в южных частях Степного генерал-губернаторства, где климат более теплее, а в северные уезды, доставлять уже полученный материал от скрещивания (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 28). Таким образом, центральная часть Казахстана рассматривались специалистами как прекрасная лаборатория для улучшения местных пород лошадей и развития скотоводства в регионе.

Большое значение в развитии скотоводства, основанного на научном подходе и передовых методиках ведения хозяйства, имеют традиции. По этому поводу Ф. Бродель, характеризуя опыт французского животноводства XIX века, отмечает, что местные ученые резко осуждали традиционное скотоводство, считая английский путь селекции местных пород с племенным скотом других кровей лучшим и правильным. При этом он подмечает, что «традиционное скотоводство подчиняется опыту народной мудрости». Крестьяне держат стадо коров той породы, которое лучше подходит для нужд местности (Бродель, 1997: 82-83). Данное мнение вполне подходит к опыту развития традиционного скотоводства в казахской степи, где испокон веков основу экономики составляло кочевое скотоводство, обусловленное особенностями природно-климатических и почвенных ресурсов, опытом поколений. Поэтому, как замечает Акмолинский областной ветеринарный инспектор в 1910 году, в основу улучшения местной породы скота необходимо положить метод разведения их в самих себе (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 12), то есть, не скрещивая его с другими породами, основываясь на традициях казахского кочевого хозяйства.

Казахские исследователи в начале XX века также отмечали необходимость применения рациональных методов разведения скота в сложившихся условиях. Так, А. Букейханов замечает, «Времена изменились. Настоящую цену на базаре имеет только жирный баран. Если не хочешь отстать, надо улучшать породу» (Бокейхан, 2003: 71). По мнению видного представителя казахской интеллигенции, потребности рынка диктуют иное отношение к возможностям и перспективам традиционного казахского скотоводства. В качестве примера он приводит опыт Англии, которая прославилась своими знаменитыми лошадьми. Англия, взяв за основу арабскую скаковую лошадь, улучшив ее качества, достигла больших результатов (Бокейхан, 2003: 70).

К новым методам ведения хозяйства традиционного казахского общества относится также изменение видовой структуры стада, обусловленное потребностями рынка и изменившимися условиями. В связи с введением государственной собственности на землю, сокращением традиционных пастбищ, спросом на скотоводческую продукцию кочевые хозяйства вынуждены были перестраиваться. В отличие от казахской лошади, нуждающейся в лучших пастбищных условиях, крупный рогатый скот казахов был более приспособлен к создавшейся ситуации по причине своей выносливости и востребованности. Кроме этого, акмолинский ветеринар, отмечая в 1910 году большой спрос на масло-молочную продукцию на внешнем рынке, настоятельно требует обратить внимание на улучшение молочного скота (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 1. Д. 10678. Л. 12об.). Данное

направление в скотоводстве региона постепенно получило распространение как в казахских, так и в переселенческих хозяйствах.

Перспективность данной методики можно продемонстрировать на примере работы рассадника казахского скота, созданного в 1912 году в г. Троицке на р. Кызыл-Су. Его основатель П.Г. Амосов путем селекции сумел выделить несколько линий рогатого скота со значительной повышенной удойностью при том же высокоом содержании жира, характерного для казахской породы (ГАКО, Ф. 1487. Оп. 1. Д. 109. Л. 70б.). Интерес ученого распространялся и на территорию Центрального Казахстана (Амосов, 1917). Так, потребности рынка определили приоритетные направления в развитии регионального научного скотоводства. Работа рассадника Амосова, рассчитанная на 30 лет, была остановлена революцией и войной.

Одним из нововведений в казахской степи во второй половине XIX – начале XX веков была заготовка санных запасов, которая рассматривается как сопутствующая скотоводству и земледелию форма более интенсивной эксплуатации имеющихся угодий (Хабижанова, Валиханов, 2003: 208). При сенокосении на одной и той же площади возможно прокормить гораздо большее число голов скота, чем тогда, когда скот вынужден доставать себе корм из под снега, используя только весьма незначительную часть имеющейся на одной площади кормовой массы (Скалов, 1910: 289).

Большую роль в развитии техники сенокосения сыграли русские переселенцы. Еще в XVIII веке Коллегия иностранных дел разрешила официально обучать сенокосению казахов, приезжавших торговать скотом (Апполова, 1976: 206). Применительно к началу XX века сообщается, что «под влиянием переселенцев киргизы вводят у себя стойловое кормление скота, что позволяет им более интенсивно использовать оставшиеся в их пользовании еще сравнительно большие площади земли и благодаря этому увеличивать свои стада» (Тресвятский, 1917: 60).

На первых порах сенокосение развивалось медленно, так как его приемы у оседающих кочевников были развиты невысоко. «Киргизы косят чрезвычайно поздно, большей частью в июле или в августе, когда трава успевает просохнуть, скошенная трава лежит весьма долго в рядах, сено получается большей частью либо черное и гнилое, либо сухое» (Кауфман, 1908: 33).

Толчком к развитию сенокосения были джугты, которые заставляли вчерашних кочевников задумываться о непрочности скотоводства, основанного на прежних началах, и обращаться к устройству санных запасов. Военный губернатор Акмолинской области в 1902 году отмечал: «Поздняя весна причинила многим аульным обществам неисчислимы убытки от падежа, многие потеряли до 80 % скота, составляющего единственный источник их богатства» (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 7936. Л. 5). Поэтому характерным и важным явлением в эволюции хозяйства оседающих казахов становится распространение машинного сенокосения, особенно на севере Степного края. Первые сенокосилки здесь появились в конце 1890-х годов (Кауфман, 1908: 33).

В начале XX века казахи, осознав пользу машинного сенокосения сами обращаются с просьбой о продаже сенокосилок. Так, в 1902 году кибитко владельцы многих уездов подали прошение о выдаче сенокосилок в долг с уплатою в течение трех лет (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 7936. Л. 1, 50б.). В последующие годы популярность сенокосилок среди казахского населения значительно возрастает.

Особенно заготовка сена в казахских хозяйствах стала приобретать большую роль под влиянием повышенного спроса на скот и скотоводческую продукцию на внутреннем и внешнем рынках Российского государства. Данный факт подмечают уездные начальники, которые считают, что главной заботой казахского населения в начале XX века по-прежнему остается скот. «Увеличивающийся спрос на него заставил кочевника подумать о его лучшем сохранении и обеспечении, и поэтому увеличить в огромных размерах площади покосов, заменив ручной труд сенокосильными машинами, распространение которых в уездах совершается необыкновенно успешно» (ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 55. Л. 290б.).

Большую роль в развитии сенокосения сыграли официальные власти. Учитывая важную роль скотоводства как важного и единственного источника благосостояния кочевого населения и его платежной силы, а, также отмечая его значение в развитии внутренней и внешней торговли России, администрация Степного края принимала самые различные меры по поддержанию традиционного скотоводства. Среди этих мероприятий можно выделить создание общественных санных запасов, искусственное травосеяние и снабжение казахского населения сенокосилками (Сибирская жизнь, 1899: 2).

Появлялись и предприимчивые люди, которые покупали на складах косилки и грабли, разъезжали по степи, взяв с местного населения за косьбу 1 руб. 50 коп. – 2 руб. с десятины, и за одно лето выручали больше денег, чем тратили на покупку сенокосилок (Киргизская степная газета, 1900: 4).

Развитие рыночных отношений, помощь официальных властей в развитии сенокосения дали хорошие результаты, поэтому этот вид занятия получил свое широкое распространение даже в южной части Акмолинской области, районе традиционного кочевого скотоводства. Согласно материалам горного инженера А. Козырева, составленным в 1911 году при описании южных волостей Атбасарского уезда, в Кенгирском районе отмечают обильные сенокосные участки казахов, а «вдоль рек травы настолько буйны, что местное население не успевает их выкашивать... По руслу реки Караганды разбросаны узкие влажные луга с хорошей растительностью» (Гидрогеологическое

описание, 1911: 389, 392, 401). При этом дореволюционные гидрологи, отмечая хорошие качества лугов южной части Акмолинской области, предупреждали о том, что «в Улутауском районе посевные площади могут непременно пойти в ущерб богатым сенокосам», и тем самым пагубно скажутся на развитии скотоводства в регионе (*Гидрогеологическое описание, 1911: 399*).

Постепенное развитие в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков получает машинное сенокосение, которое продвигалось вперед достаточно успешно, без всяких принудительных мер и насилия со стороны администрации (*Материалы по киргизскому землепользованию, 1905: 542*). Однако для применения такого вида покосов было необходимо или наличие достаточного количества лугов, или пригодность степи для машинного сенокосения. Надо отметить, что данные инициативы испытывали большие трудности. Главная проблема заключалась в отсутствии богатых сенокосных угодий в некоторых южных волостях, общинный характер пользования лугами, сложности обращения с техникой, трудности ремонта.

Однако, несмотря на это, среди материалов волостных и уездных начальников начала XX века можно встретить приговоры кибитковладельцев аулов Карагандинской, Нельдинской, Чурубай-Нурунской волостей Акмолинского уезда о приобретении общественных сенокосилок (*ЦГА РК, Ф. И-369. Оп. 4. Д. 10337. Лл. 47, 201, 236*). Но, так как работать с машинами мог не каждый, аулы принимали решение о создании артелей, которым поручалось отвечать за сенокосилки и работать на них за определенную плату.

Важным изменением в хозяйственной жизни казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков явилось распространение земледелия. Как замечает дореволюционный исследователь, «хотя скотоводство и составляло главное занятие киргизского населения, но к занятию земледелием, особенно если урожайные годы следуют друг за другом без перерыва, киргизы проявляют большую склонность во всех местностях, где имеются почвенные и климатические условия» (*Сибирская жизнь, 1899: 2*).

Вместе с тем земледелие второй половины XIX – начала XX вв. существенно отличалось от земледелия предшествующих периодов. В это время появляется казах-земледелец, для которого хлебопашество из подсобного промысла становится основным занятием, начинается процесс отделения земледелия от кочевого скотоводства. Если ранее потребность казахов-кочевников в земледельческой продукции реализовывалась через обмен с крестьянами-переселенцами, то постепенно «сбыта им хлебных запасов крестьянского населения не имеется, так как киргизы высевают ныне для себя хлебов в достаточном количестве» (*ГАОО, Ф. 366. Оп. 1. Д. 454. Л. 15*).

По свидетельству современников, «киргизская степь, где земледелие еще находится в зародышевом состоянии... обещает в будущем стать весьма существенной частью степного хозяйства киргизского населения» (*Сибирская жизнь, 1899: 2*).

Центральная часть Казахстана, представленная южными волостями Акмолинского и Атабасарского уездов Акмолинской области и Каркаралинским уездом Семипалатинской области, по физико-географическим, природным и почвенным условиям, особенностям хозяйственного развития сильно отличалась от остальных, северных волостей названных уездов, а также других регионов Казахстана.

Развитие земледельческого хозяйства в центральной части Казахстана было ограничено природно-географическими условиями, в частности бедностью почвенных и водных ресурсов, недостатком атмосферных осадков, засушливостью и континентальностью местного климата. Вследствие этого земледелие в этом регионе носило ирригационный характер и зависело от возможности орошения посевных угодий.

Характерной особенностью распространения земледельческой культуры среди кочевого населения Казахстана во второй половине XIX века – начале XX вв. являлось то, что в условиях сокращения традиционных пастбищных земель казахи, не имея кормовых источников и возможностей свободного выпаса, начинали заниматься земледелием для поддержания традиционного скотоводческого хозяйства и увеличения поголовья своего стада. «Началом введения земледелия в казахские степи должен рассматриваться тот период, когда богатые казахи вынуждены были искать дополнительный корм для своих поголовий скота, только лишь с этого периода земледелие становится постоянным» (*Олкотт, 1997: 320*). В связи с этим одним из первых традиционных видов выращиваемых злаков в казахском хозяйстве является овес.

Традиция земледельческой культуры в казахском хозяйстве Центрального Казахстана, несмотря на относительную молодость, получила хорошее развитие. Даже в южных волостях Атабасарского уезда, где сохранилось традиционное кочевое скотоводство, в 1890-е годы можно было, как отмечают исследователи того времени, встретить «возделанные поля пшеницы, ярицы и ячменя, эти поля орошаются арыками, которые наполняются водою из ключа, неурожая при этих условиях не бывает» (*ГАОО, Ф. 3. Оп. 9. 15213. Л. 50б.*). Данный факт свидетельствует о больших достижениях казахского хозяйства в условиях рискованного земледелия.

Прекрасное знание местности, особенностей климата и почв позволило казахам во второй половине XIX – начале XX вв. соперничать с крестьянским и казачьим населением. В материалах XIX века отмечается, что «ни один из кочующих в Сибири народов не может сравниться в успехах

хлебопашества с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную» ([Хозяйство казахов, 1980: 164](#)).

Если крестьяне-переселенцы помогали овладевать казахам навыками подъема степей, то казахи помогали переселенцам овладевать опытом поливного земледелия. Причем было удивительным, что кочевники-казахи, особенно беднейшая их часть, среди родственной природы нашли возможность привить земледельческую культуру там, где слабые попытки станичников и поселенных солдат окончились неудачей. Объяснением тому было подневольное поселение, незнание особенностей поливного земледелия, несение службы и полубоевая обстановка среди малоизвестной природы. Так, в 1883 г. урожай у крестьян в Каркаралинском уезде составил сам 5½, а у кочевников – сам 7, в 1885 г. урожай яровой пшеницы в хозяйстве казахов уезда составил уже сам 9,7, в 1887 г. – сам 10, даже в малоурожайный 1888 г. урожайность казахских пашен была сам 6,9 ([Обзор, 1899: 8](#)). В Атбасарском уезде в 1892 г. по официальным данным по киргизскому землепользованию урожай у кочевников составил сам 6,6, в Акмолинском уезде – сам 9,2 ([Хозяйство казахов, 1980: 164](#)). Таким образом, урожаи кочевого населения в конце XIX века были намного выше и лучше урожаев у русского населения, «ибо киргизские пашни пользовались искусственным орошением, тогда как русские пахари не устраивают арычной системы для их орошения своих полей» ([Обзор, 1889: 8](#)).

Изменения в хозяйственной жизни, переход к оседлости и земледелию сказались на характере быта бывших кочевников. Под влиянием русских переселенцев и новых условий хозяйствования казахи строят крепкие деревянные дома, дачи, амбары и лари для засыпки хлеба, разводят домашнюю птицу. На многочисленных ярмарках они выменивают на скот или покупают за деньги табак, разные бумажные и шерстяные изделия, железные и медные вещи и т.д.

Как отмечали российские исследователи, «киргизы Акмолинской области, в силу климатических условий, а также благодаря социальному строю, слагающемуся под влиянием русских порядков, не довольствуются легким переносным жилищем – юртой, приспособленной к частым, нередко дальним перекочевкам. Они строят земные постоянные, теплые жилища. Ограниченные в пределах передвижения по степи и в землевладении известным пространством, они оставляют на нем и другие признаки своего пребывания, как-то: сооружают могильные памятники, мечети, роют колодцы. Сооружения эти могут рассматриваться, как признак более устойчивого образа жизни, чем юрта, и есть переходная ступень к оседлости» ([Шнэ, 1894: 1](#)).

В архиве Г.Е. Катанаева в Омске имеются интересные заметки по поводу взаимовлияния казахов и русских. Так, рассматривая степень влияния переселенцев на казахское население, исследователь замечает, что, глядя на быт, можно встретить в обыкновенной казахской избушке из четырех стен печь для тепла, часы, ведра, таз, самовар, чайный прибор, вилки, русские летовки, русские сохи ([ГАОО, Ф. 366. Оп. 1. Д. 443. Л. 36, 36об.](#)).

В то же время, «азиатские нравы до того вплелись в казачье население, что они живут совершенно как киргизы – мужчины носят камзолы, бешметы и халаты, пьют кумыс, разъезжают по тамырам или лежат дома. Казачки зачастую ходят по улице, закрыв голову халатом, носят рубаху, точно такую же, как и у киргизок, которая заменяет им сорочку. Манера ездить верхом подобно киргизским, местными казачками усвоена давно, и они не хуже казака в киргизском платье джигитуют. Замечателен обычай каркаралинских женщин рядиться во время святок киргизками, татарками даже днем. Манера сидеть на полу, поджав ноги под себя, усвоена как казаками, так и казачками» ([ГАОО, Ф. 366. Оп. 1. Д. 338. Л. 37об.](#)). Данный факт еще раз подтверждает развитие в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков процессов межкультурного взаимодействия соседствующих народов, в результате которых заимствуются внешние проявления культуры – одежда, быт, а также ценности и даже язык. В свою очередь, это доказывает существование тенденций адаптации не только казахского общества к изменившимся условиям, но и встречную адаптацию переселенческого населения к новой среде.

5. Выводы

Характерным явлением развития традиционного казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков стало внедрение новых методов ведения хозяйства, обусловленных внешним фактором. В первую очередь, это изменение видовой структуры скота, улучшение породы традиционных спутников кочевой жизни – лошадей и овец, заготовка сенных запасов, распространение земледелия. Однако в центральной части Казахстана в силу сложных природно-климатических условий, недостатка пахотных земель, основой экономики казахского являлось кочевое скотоводство, наиболее приспособленное и отвечающее потребностям региона и государства. В этой связи примечателен пример других государств начала XX века, которые в своем развитии сделали ставку на дальнейшее усовершенствование существующей экономики. Отвечая на вопрос, стоит ли уничтожать традиционное, полезное в Степном крае, Д. Клеменц в своей статье, посвященной кочевникам и кочевому быту, ссылаясь на опыт европейских стран, отмечает, что «успехи, достигнутые земледелием, заставляют и нас мечтать об интенсивном хозяйстве, но мы проглядели Швейцарию». Далее он продолжает: «С обычной своей практичностью и здравым смыслом швейцарцы крепко держатся за свой горный кочевой быт, сумели его усовершенствовать и

соединить с интенсивной культурой и промышленностью (Клеменц, 1908: 22). Как мы видим, публицист, не отрицая прогрессивного характера оседло-земледельческой культуры, вместе с тем достаточно ярко на примере небольшого европейского государства, доказывает большие перспективы скотоводческо-промышленного хозяйства.

Публицисты, исследователи конца XIX века, отмечая большое значение степных областей Казахстана для центральной России, предупреждали о том, что сокращение скотоводства означало бы сознательное разрушение традиционного хозяйства казахов, обрекая их на голодное прозябание, либо на отказ от привычного для них занятия. Игнорирование интересов кочевого населения может пагубно сказаться не только на развитии самого традиционного общества, но и на экономике Российского государства. Поэтому на вопрос: “что полезнее: пахарь ли, который, кроме своей пашни, ничего не дает для края, или киргиз, который снабжает не только свои местные, но и русские рынки предметами несомненно полезными и даже более – необходимыми?”, здравомыслящие наблюдатели, отвечали, “что если бы было возможным собрать статистические данные о том, сколько доставляется киргизами на рынки, за пределы местного края, предметов необходимости и пользы, если бы можно было вычислить, насколько такая доставка удешевляет предметы фабричной обработки, потребляемые всей Россией, тогда бы мы увидели, что ... киргизы далеко не бесполезны для нас, чтобы не сказать более, и что поэтому задаваться фальшивой задачей обрусения киргизов, в смысле отнятия у них земли в пользу хлебопашцев – не следует, ибо это поведет к полному обеднению киргизов, к тому положению, при котором киргизы или укочуют за пределы России или же обратятся в жалких нищих, никуда негодных пролетариев” (Очевидец, 1891: 137).

Прогноз дореволюционного исследователя жизни казахского общества воплотился в жизнь в 1930-е годы, когда насильственное оседание казахов привело к уничтожению традиционного хозяйства в Казахстане, к потере от голодной смерти половины казахского этноса и откочевке значительной части состоятельного слоя нации за пределы края.

Литература:

- Абдрахманова, 1998** - Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Полиграфия, 1998. 136 с.
- Абжанов, Селиверстов, 2004** - Абжанов Х.М., Селиверстов С.В. Критическое столетие: размышления историков // Мысль. 2004, № 2. С. 6-12.
- Абылхожин, 1991** - Абылхожин Ж.Б. Традиционная культура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации. 1920-1930. Алматы: Ғылым, 1991. 240 с.
- Амосов, 1917** - Амосов П.Г. Доклад П.Г. Амосова Семипалатинскому продовольственному комитету о поездке на озеро Балхаш в 1917 г. Семипалатинск, 1917. 48 с.
- Апполова, 1976** - Апполова Н. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. 371 с.
- Бокейхан, 2003** - Бокейхан Ә. Жауап хат / Тандамалы. 2-кітап. Алматы: “Өлке” баспасы, 2003. 67-71 б.
- Бродель, 1997** - Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч.2. Крестьянская экономика до начала XX века. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 511 с.
- Гомаюнов, 1994** - Гомаюнов С.А. Композиционный метод в историческом познании. М., 1994. 143 с.
- Гидрогеологическое описание, 1911** - Гидрогеологическое описание южной части Акмолинской области. / Сост. А.А. Козырев. СПб: Тов-во Р. Голика и А. Вильборга, 1911. 640 с.
- ГАКО** - Государственный архив Карагандинской области.
- ГАОО** - Государственный архив Омской области.
- Дала уалаятының газеті, 1994** - Дала уалаятының газеті: адам, қоғам, табиғат. 1888–1902 // Составитель У. Субханбердина. Алматы, Ғылым, 1994. 815 с.
- Кауфман, 1908** - Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. 456 с.
- Клеменц, 1908** - Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49-52. С. 18-57.
- Сибирская жизнь, 1899** - Киргизы Уральской степи // Сибирская жизнь. Омск. 1899. № 38. С. 1-2.
- Лурье, 1999** - Лурье С.В. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия // Вестник Евразии. 1999. № 1-2. С. 20-37.
- Малтусынов, 2006** - Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 332 с.
- Масанов, 1984** - Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII – XIX вв. Алматы: Наука, 1984. 176 с.
- Масанов, 1998** - Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевничества). Алматы: Социнвест, М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Тресвятский, 1917** - Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. Пг., 1917. 135 с.

- Материалы, 1905** - Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (МКЗ). Т. 6. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. СПб., 1905. 815, 134 с.
- Моррисон, 2015** - Моррисон А. Peasant Settlers and the 'Civilising Mission' in Russian Turkestan, 1865–1917 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2015 Vol. 43, No. 3, pp. 387–417
- Обзор, 1889** - Обзор Семипалатинской области за 1888 год. Семипалатинск, 1889 . С. 49
- Киргизская степная газета, 1900** - О важности заведения в киргизских хозяйствах сенокосных и копных граблей // Киргизская степная газета. 1900. № 5. С. 4.
- Олкотт, 1997** - Олкотт М.Б. Казахи // Из истории казахов. Составитель Е. Аккошкарров. Алматы: Жалын, 1997. С. 303-336.
- Очевидец, 1891** - Очевидец. Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. СПб., 1891. № 8. С. 121-141.
- Румянцев, 1910** - Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб.: Пересел. управл. ГУЗиЗ, 1910. 66 с.
- Пригожин, Стенгерс, 1986** - Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. 272 с.
- Полферов, 1914** - Полферов Я. Сибирь и ее возможности // Вопросы колонизации. 1914. № 15. С. 1-19.
- Сапронов, 2002** - Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002, № 4. С. 158-172.
- Скалов, 1910** - Скалов Б. Естественно-исторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 280-297.
- Хабижанова, Валиханов, 2003** - Хабижанова Г., Валиханов Э., Кривков А. Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). М: Русская книга, 2003. 288 с.
- Хозяйство казахов, 1980** - Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) / Под ред. Г.В. Дахшлейгера. Алма-Ата, 1980.
- ЦГА РК** - Центральный государственный архив Республики.
- Чермак, 1908** - Чермак Л. Формы киргизского землепользования // Сибирские вопросы. 1908. № 23-24. С. 21-43
- Чермак, 1912** - Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае // Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. СПб: Тип. Ц. Крайз, 1912. 314 с.
- Шнэ, 1894** - Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1894. Кн.17. Вып. 1. С. 1-18.
- Ядринцев, 1892** - Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 720 с.

References:

- Abdrakhmanova, 1998** - Abdrakhmanova B.M. Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: the power, the system of management, the territorial sytem in the XIX century]. Astana: Polygraphy, 1998. 136 p. [in Russian]
- Abzhanov, Seliverstov, 2004** - Abzhanov Kh.M., Seliverstov S.V. Kriticheskoe stoletie: razmyshleniya istorikov [Critical century: reflections of historians], Mysl. 2004, Nr 2, pp. 6-12. [in Russian]
- Abylkhozhin, 1991** - Abylkhozhin Zh.B. Traditsionnaya kul'tura Kazakhstana: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya i transformatsii. 1920-1930 [Traditional culture of Kazakhstan: the socio-economic aspects of functioning and transformation. 1920-1930]. Almaty: Gylym, 1991. 240 p. [in Russian]
- Amosov, 1917** - Amosov P.G. Doklad P.G. Amosova Semipalatinskomu prodovol'stvennomu komitetu o poezdke na ozero Balkhash v 1917 g. [Report of P.G. Amosov to Semipalatinsk food committees on a trip to Lake Balkhash in 1917] Semipalatinsk, 1917. 48 p. [in Russian]
- Appolova, 1976** - Appolova N. Khozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX vv. [The economic development of the Priirtyshie at the end of XVI - first half of XIX century]. М.: Nauka, 1976. 371 p. [in Russian]
- Bokeikhan, 2003** - Bokeikhan A. Zhauap khat [Response letter] // Favorites. Book 2. Almaty: "Olke" publishing, 2003. pp. 67-71. [in Kazakh]
- Brodel, 1997** - Brodel F. Chto takoe Frantsiya. Kn. 2. Ch.2. Krest'yanskaya ekonomika do nachala XX veka [What is France? Book 2. Part 2. Peasant economy until the early XX century]. М.: Publishing house of Sabashnikovs, 1997. 511 p. [in Russian]
- Gomayunov, 1994** - Gomayunov S.A. Kompozitsionnyy metod v istoricheskom poznanii [The composite method in historical knowledge]. М., 1994, 143 p. [in Russian]
- Gidrogeologicheskoe opisanie, 1911** - Gidrogeologicheskoe opisanie yuzhnoy chasti Akmolinskoy oblasti. Sostavitel' Kozyrev A.A. [Hydrogeological description of the southern part of the Akmola region. Compiler A.A. Kozyrev]. St. Petersburg: Association of R. Golik and A. Vilborg, 1911, 640 p. [in Russian]

- SAKR** - Gosudarstvennyy arkhiv Karagandinskoy oblasti (GAKO) [The State Archives of the Karaganda region (SAKR)].
- SAOR** - Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti (GAOO) [The State Archive of the Omsk region (SAOR)].
- Dala ualayatynyn gazeti, 1994** - Dala ualayatynyn gazeti: adam, qoғam, tabirat. 1888-1902 [Steppe province newspaper: people, society, nature. 1888-1902] / content by W. Subkhanberdina. Almaty, Gylym, 1994. 815 p. [in Kazakh]
- Kaufman, 1908** - Kaufman A.A. Russkaya obshchina v protsesse ee zarozhdeniya i rosta [Russian community in the process of nucleation and growth]. M.: Typography of I.D. Sytin partnership, 1908. 456 p. [in Russian]
- Klements, 1908** - Klements D. Zametki o kochevom byte [Notes about the nomadic way of life] // Siberian questions. 1908. №. 49-52. P. 18-57 [in Russian]
- Sibirskaya zhizn', 1899** - Kirgizy Ural'skoy stepi [Ural steppe's Kirghiz], Siberian life. 1899, Nr 38, pp. 1-2 [in Russian]
- Lur'e, 1999** - Lur'e S.V. Evraziya: problemy sosedstva kul'tur i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya [Eurasia: problems of neighborhood of cultures and intercultural interaction], Herald of Eurasia. 1999, Nr 1-2, pp. 20-37 [in Russian]
- Maltusynov, 2006** - Maltusynov S.N. Agrarnyy vopros v Kazakhstane i Gosudarstvennaya дума Rossii. 1906-1917 gg. (Sotsiokul'turnyy podkhod) [The Agrarian question in Kazakhstan and the State Duma of Russia. 1906-1917 years. (Socio-cultural approach)]. Almaty: Dyke-Press, 2006. 332 p. [in Russian]
- Masanov, 1984** - Masanov N.E. Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana na rubezhe XVIII–XIX vv. [Problems of social and economic history of Kazakhstan at the turn of XVIII–XIX centuries]. Almaty: Nauka, 1984. 176 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** - Masanov N.E. Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva) [Nomadic civilization Kazakhs (basics of life migratory habits of society)]. Almaty: Sotsinvest, M.: Horizon, 1995. 320 p. [in Russian]
- Tresvyatskiy, 1917** - Materialy po zemel'nomu voprosu v Aziatskoy Rossii. Vyp. 1. Stepnoy kray. Sostavitel' V.A. Tresvyatskiy [Materials on the land issue in the Asian part of Russia. Vol. 1. Steppe Region. Compiled by V.A. Tresvyatskiy]. Petersburg, 1917. 135 p. [in Russian]
- Materialy, 1905** - Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiyey po issledovaniyu stepnykh oblastey (MKZ). T. 6. Semipalatinskaya oblast'. Karkaralinskiy uezd [Materials on the Kyrgyz land use, compiled and developed expeditions on study the steppe regions (MKL). T. 6. Semipalatinsk region. Karkaraly county]. St. Petersburg, 1905, 815, 134 p. [in Russian]
- Morrison, 2015** - Morrison A. Peasant Settlers and the 'Civilising Mission' in Russian Turkestan, 1865–1917. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015 Vol. 43, Nr. 3, pp. 387–417
- Obzor, 1899** - Obzor Semipalatinskoy oblasti za 1888 god [Review of the Semipalatinsk region for 1888]. Semipalatinsk, 1889. P. 49 [in Russian]
- Kirgizskaya stepnaya gazeta, 1900** - O vazhnosti zavedeniya v kirgizskikh khozyaystvakh senokosnykh i kopnykh grabley [About the importance of institutions in the Kyrgyz household hay and horse-drawn rakes], Kirghiz steppe newspaper. 1900, Nr 5, p. 4. [in Russian]
- Olkott, 1977** - Olcott M.B. Kazakhi [Kazakhs], From the history of the Kazakhs. Compiled by E. Akkoshkarov. Almaty: Zhalyn, 1997, pp. 303-336. [in Russian]
- Ochevidec, 1891** - Ochevidec. Pereselencheskiy vopros v Zapadnoy Sibiri [Witness. Emigrant issue in Western Siberia], Observer. 1891, Nr 8, pp. 121-141. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910** - Rumyantsev P.P. Kirgizskiy narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people in the past and the present]. St. Petersburg: Resettlement Management GDLMA, 1910. 66 p. [in Russian]
- Prigozhin, Stengers, 1986** - Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa [Orderliness out of chaos]. M.: Progress, 1986. 272 p. [in Russian]
- Polferov, 1914** - Polferov Ya. Sibir' i ee vozmozhnosti [Siberia and its possibilities], Colonization questions. 1914, Nr 15, pp. 1-19 [in Russian]
- Sapronov, 2002** - Sapronov M.V. Sinergeticheskiy podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh: novye vozmozhnosti i trudnosti primeneniya [Synergetic approach in historical research: new capabilities and application problems], Social Sciences and Modernity. 2002, Nr. 4, pp. 158-172 [in Russian]
- Skalov, 1910** - Skalov B. Estestvenno-istoricheskie usloviya i khozyaystvo kirgiz yuzhnykh volostey Temirskogo uezda [Natural and historical conditions and household Kyrgyzs of the southern Temir district townships], Colonization questions. 1910, Nr. 6, pp. 280-297 [in Russian]
- Khabizhanova, Valikhanov, 2003** - Khabizhanova G., Valikhanov E., Krivkov A. Russkaya demokraticeskaya intelligentsiya v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Russian democratic intelligentsia in Kazakhstan (the second half of XIX – early XX century)] M.: Russian book, 2003. 288 p. [in Russian]
- Khozyaystvo kazakhov, 1980** - Khozyaystvo kazakhov na rubezhe XIX–XX vv. (Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu) [The household of the Kazakhs in the XIX–XX centuries. (Materials for the Historical and Ethnographic Atlas)] / under the editorship by G.V. Dahshleyger Alma-Ata, 1980 [in Russian]

[CSA of the RK](#) - Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK) [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA of the RK)].

[Chermak, 1908](#) - Chermak L. Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use], Siberian questions. 1908, Nr. 23-24, pp. 21-43 [in Russian]

[Chermak, 1912](#) - Chermak L. Kirgizskoe khozyaystvo v Stepnom krae [The Kyrgyz household in the Steppe region], State Railroad Petropavlovsk – Spassk factory in economic sense. St. Petersburg: Printing house of Ts. Krai, 1912. 314 p. [in Russian]

[Shne, 1894](#) - Shne V. Zimovki i drugie postoyannye sooruzheniya kochevnikov Akmolinskoy oblasti [Wintering and other permanent structures nomads of Akmola region] // Notes of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society. 1894, Book 17. Issue 1, pp.1-18 [in Russian]

[Yadrintsev, 1892](#) - Yadrintsev N.M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnosheniyakh [Siberia as a colony in the geographical, ethnographical and historical relations]. St. Petersburg: Printing house of I.N. Skorokhodov, 1892. 720 p. [in Russian]

УДК 001.76: «18/19» (574)

О внедрении новых методов хозяйствования в экономику традиционного казахского общества центральной части Казахстана во второй половине XIX – начале XX веков

Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова ^{a, *}, Ляззат Касымовна Шотбакова ^a,
Гульнара Муратбековна Смагулова ^a, Назым Алдабергеновна Касымжанова ^a

^a Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан

Аннотация. В статье на основе материалов российских и казахстанских архивов рассматривается процесс внедрения новых методов хозяйствования в экономику традиционного казахского общества во второй половине XIX – начале XX вв. под влиянием административно-земельных реформ России, проникновения рыночных отношений в казахскую степь, переселения крестьян из центральных губерний России. Автор рассматривает этот процесс на примере центральной части Казахстана, где распространение оседло-земледельческой культуры шло менее интенсивно в отличие от других районов Казахстана. Причиной этому явились сложные природно-климатические и почвенные условия, низкий процент русского населения, сложившиеся хозяйственные традиции. Особое внимание уделяется вопросу землепользования в казахской степи, который непосредственно был связан с политикой изъятия пастбищных земель и оседания кочевого населения, проводимой российской администрацией. В результате земельной и переселенческой политики Российского государства в казахской степи, повлекшей за собой изъятия огромных земельных пространств из скотоводческого хозяйственного оборота, распространения оседлой земледельческой культуры кочевое хозяйство стало приспосабливаться к изменившимся социально-экономическим обстоятельствам. Это нашло свое проявление в изменении структуры традиционного стада, распространении интенсивных форм ведения хозяйства и новых методов развития скотоводства.

Автор делает вывод о том, что, переселенческая и земельная политика российской колониальной администрации в Казахстане, основанная на изъятии пастбищ и нерациональном использовании почвенных ресурсов, не только изменила ход развития скотоводческого хозяйства кочевников, но и пагубно отразилась на развитии традиционного земледелия в казахской степи.

Ключевые слова: Империя России, Казахстан, традиционное общество, кочевым скотоводством, рыночные условия, инновации.

---

* Corresponding author

E-mail addresses: b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова), shotbakovazz@mail.ru (Л.К. Шотбакова), gylnara2005@mail.ru (Г.М. Смагулова), nazie_one@mail.ru (Н.А. Касымжанова)